

ИСТОРИЗМ И. С. ШМЕЛЕВА (ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО)

Становление исторической повести в русской литературе относится к концу XVIII - началу XIX века. Историческая повесть складывается в эпоху, когда из поэзии классицизма начинает пробивать себе дорогу проза исторической тематики, одухотворенная пафосом патриотизма. В это время, по замечанию И. В. Киреевского, «История... есть центр всех познаний, наука наук, единственное условие всякого развития, направление историческое обнимает все»*1

При сентиментализме жанр исторической повести наделяет автора свободой выражения нравственно-патриотической идеи. Н. М. Карамзин считал, что «характеры и обстоятельства должны быть постигнуты и отражены не только во взаимной своей связи, но и в историческом и психологическом правдоподобии»*2

С развитием романтического направления в литературу пришли писатели Загоскин, Лажечников, Н. Полевой и др., которые по-своему выражали углубленную трактовку авторской позиции, характера литературного героя, зарождающуюся в то время проблему народности литературы.

В свою очередь, реализм обогатил историческую прозу рядом художественных особенностей, стилевым и жанровым разнообразием. Глубокое своеобразие в историческую прозу конца XIX - начала XX веков внес И. С. Шмелев.

Творчество Шмелева многопланово и разносторонне, как и сама автобиография автора, трагичная и сложная. А главная тема неутраченной любви к отечеству, к русскому народу проявилась как нельзя ярко в незавершенной автобиографической трилогии Шмелева «Бо-

гомолье», «Лето Господне» и сборник «Родное». Повести трилогии можно назвать историческими, потому как описание жизни и быта семьи православной для нас есть история. Эти праздники, радости и скорби по закону Божьему пришли в дом детства автора не в одночасье, они передавались из поколения в поколение и навсегда сохранились в душе и памяти писателя.

Повесть «Лето Господне» создается в 40-ые годы XX века, а события, описываемые в ней, переносят читателя в дореволюционную Россию, что позволяет сравнить это произведение с историко-этнографическим циклом Загоскина «Москва и москвичи».

Уже в I половине XIX века историческая повесть представляла собой широкий спектр не только разнообразных тем и сюжетов, но и жанровых разновидностей. Появляются повести историко-героические, историко-биографические, историко-фольклорные, историко-этнографические и др. Загоскин вошел в литературу с историко-героическими повестями «Милославский, или Русские в 1812 году» и «Рославлев, или Русские в 1812 году», в конце своего творческого пути в цикле «Москва и москвичи» выступает историком московского быта, где он показывает празднества и гулянья русского православного народа. «Лето Господне» Шмелева также, на первый взгляд, является перечислением православных обрядов и празднеств русской церкви. Однако и в том и в другом произведениях заложен глубокий философский смысл.

На формирование литературного мировоззрения Загоскина оказала большое влияние теория официальной народности, провозглашенная в 1832 году графом Уваровым, видным политическим и литературным деятелем начала XIX века: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности»^{*3}. «В этой знаменитой формуле под народностью разумелось одно лишь крепостное право». (Пыпин, «История русской этнографии», т. 1, гл. X). Система крепостного права расценивалась как связующее и необходимое звено между дворянством и народом. «Пылкий враг всякого недовольства современным порядком в стране... Загоскин претендовал на проповедь здоровой религиозности, нерассуждающего патриотизма и верности престолу...»^{*4} Главное, с точки зрения Загоскина, в жизни народа — это послушание старшим.

Народ у Шмелева — животворная сила, без которого нет и не может быть истории. Народ — учитель, созидатель, духовное воплоще-

ние православной веры. Все произведения Шмелева пронизаны чувством гордости за своих мужиков, «архимедов-мастаков», которым все под силу, любое дело по плечу.

Мировоззрение И. Шмелева, писателя-эмигранта, строится на противоречивости сложного времени. У Шмелева не могло быть гармоничного отношения к властям. Лишившись всего самого родного и близкого для себя: своего сына, родины, оказавшись на чужбине, — он выплескивает на бумагу свои самые сокровенные мысли и воспоминания, так и не сумев забыть ни скорбей, ни радостей своего народа. И одно из совершенных своих произведений, «Лето Господне», Шмелев создает, живя во Франции. Оттуда, с чужбины, вернувшись в светлое русское детство, воспекает он Родину. Впечатления от красот Франции не смогли заглушить чувства гордости и любви к родимой стороне.

Отрицание европеизации России пронизывает все произведения Загоскина. Участник Отечественной войны 1812 года, он не мог принять преклонения на Руси всему французскому, в том числе и языку. Являясь старовером литературных порядков, предвестником и последователем славянофильства, Загоскин восхвалял все исконно русское, устоявшееся, традиционное, в противовес иностранному, чем и снискал себе славу «исключительно русского народного писателя». «Загоскин проводил русское направление, как он понимал его, везде, во всяком сочинении и восставал, сколько мог, против подражания иностранному»*5

Говоря о «богатстве мощи и свободы русского языка» в творчестве Шмелева, А. И. Куприн отмечает: «Шмелев из всех русских самый распрерусский... с московским говором, с московской независимостью и свободой духа»*6

Создавая свои исторические повести, Загоскин ставил перед собой цель достоверного изображения исторических событий и действующих лиц эпохи смуты, жизни Петра Великого, победоносного времени Отечественной войны 1812 года. В своем понимании характера русской нации Загоскин придерживался мнения о том, что «русский человек живет настоящей жизнью, когда наступает опасность для всей нации»*7.

Историчность Шмелева в фактологической достоверности жизни. Его история взята из реальной обстановки. Годы жизни и творчества Шмелева охватывают до- и послереволюционные периоды истории страны. Первая мировая, гражданская войны оставили глубокий отпеча-

ток в судьбе Шмелева. Будучи эмигрантом, несмотря на пережитое жизненное горе, Шмелев продолжает оставаться патриотом потерянной родины. Потомок староверов по религиозным убеждениям, Шмелев показывает «Россию и православный строй ее души силою ясновидящей любви»^{*8} Эта «ясновидящая любовь» к отчизне помогает ему жить и создавать свои произведения в далекой Франции. Возможно, в период фашистской оккупации написаны строки гордости русского «хозяина» за величие и красоту «матушки-Москвы». «Ну вся-то тут Россия наша!.. Кто Царь-Колокол подымет? Кто Царь-Пушку повернет?! — Ни-кто»^{*9} Это чувство патриотизма, увиденное когда-то в глазах своего отца, пронес Шмелев через всю свою нелегкую жизнь.

«Вниз-то, в провал гляди... эн она где, Москва-то!» Когда ложились эти строки на бумагу? Быть может в дни освобождения Москвы от гитлеровских полчищ? «Небо внизу кончается, и там, глубоко под ним, под самым его краем, рассыпано пестро, смутно, Москва... смутная, вдалеке, в туманце»^{*10} — ребенком видит Москву Иван Шмелев. Видел ли он тот туманец тогда, или это туман от черного дыма бомбежек 43-го года представляется уже 60-летнему писателю на чужбине? — «над нею туча, и видно, как сеет дождь, серой косой полоской». Но «светло за ней, и вот — видно на туче радугу. Стоит над Москвой дуга»^{*11} как «сама Пречистая на большой высоте стоит... со ангельскими воинствами и держит над всей землей великий Покров-Омофор»^{*12} И в тот дождливый день просветлела Москва в глазах Шмелева-ребенка и сейчас, когда пишет он свою повесть, он верит, что в тяжелую годину Россия победит фашистов и воссияет вновь. Для Шмелева вот она — вся-то Москва, как на ладоньке... Я вижу всю игрушечную Москву, а над ней золотые крестики»^{*13} В — стало быть Христос здесь, значит все будет праведно и светло.

Писатель начала XIX века, патриот своей родины, Загоскин «изучал Москву слишком тридцать лет» и пришел к выводу, «что она не город, не столица, а целый мир — разумеется русский»^{*14} Описание «матушки-Москвы православной» у Загоскина также, как и у Шмелева, ведется с возвышенного места: «...отсюда вся Москва, как на блюдечке... Внизу излучистая река... вниз по течению реки огромный амфитеатр, составленный из белокаменных зданий и разноцветных церквей; подымаясь все выше, он оканчивается усыпанным позлащенными главами державным Кремлем. При первом взгляде, казалось, на его высоких башнях покоились небеса, посреди которых выше всего блистал... животворящий крест»^{*15}

Так, яркий сторонник монархии, Загоскин в начале XIX века и эмигрант, по своим политическим убеждениям противник существующей в стране власти, Шмелев в середине XX века увидели Москву одним влюбленным, сыновним взором, словно стояли в одно и то же время в одном и том же месте, любясь и гордясь своей Родиной.

В «Лете Господнем» автор проявляет свое «я» через восприятие чистой детской души. Повесть Шмелева написана от имени ребенка, но это литература и для воспитания души взрослых людей. Это глубоко продуманное философское повествование дает возможность Шмелеву ввести нас в мир чистоты и исторической реальности. Сам Шмелев жил этими детскими воспоминаниями. Само понятие Родины было связано у писателя с детством. А детство всегда светло и прекрасно, как голубое Рождество, как красно-золотая Пасха, как Троица — «красный денек», когда «вся земля именинница». Страницы повести «Лето Господне» звучат колокольным перезвоном, светятся разными цветами празднеств детской души и первозданной природы.

Опыт написания же первых исторических повестей конца XVIII — начала XIX века можно назвать «детским» опытом, ибо литература пребывала в своем «младенческом возрасте», а русские люди только начинали читать прозаические произведения с сюжетами, взятыми из отечественной истории. И, с позиции современности, исторические повести Загоскина написаны прежде всего для детского и юношеского восприятия. Н. Полевой сравнивает сюжет повести «Милославский, или Русские в 1812 году», например, с «колокольчиком народного самохвальства», в то время как «Лето Господне» — это звон колокола, воспевающий «праздники, радости и скорби» жизни русского народа, это перезвон колоколов православных церквей с описанием обрядов, которые установлены и увековечены на основании внутреннего опыта человека «ради снискания помощи ему сверхчувственных светлых сил или ради предотвращения враждебных воздействий на него со стороны сверхчувственных сил темных»^{*16}. Роман Шмелева «Лето Господне» стал для современников, людей, вступивших в XXI век, историей православной веры, обычаев, языка.

Книги И. Шмелева входят в наше сознание, обогащая его духовно. Чтение такой литературы подобно священнодействию, «при свершении которого сверхсознательные корни человеческой воли принимают божественную благодать, то есть преисполняются сил для движения к гармонии между личностью и вселенной, духом и плотью, человеком и Божеством»^{*17}. Порой даже безучастность сознания или

недостаток веры со стороны человека, над кем это священнодействие совершается, не лишают его своей силы.

Примечания

*1 Киреевский И. В. Обзорение русской словесности 1829года // Критика и эстетика. — М.: Искусство, 1979. — С. 59-60.

*2Кулешов В. И. История русской критики XVIII - XIX веков. — М.: Просвещение, 1978. — С. 53.

*3Брокгауз Ф. А., Ефрон И. Л. Энциклопедический словарь. — СПб, 1890. — Т. 34. — С. 419.

*4Песков А. Вступительная статья // Загоскин М. Н. Сочинения: 2-х томах. — М.: Художественная литература, 1987. — Т. I. — С. 27.

*5 Аксаков С. Т. Собрание сочинений: В 5-ти томах. — Т. 4. - С. 196- 197.

*6 Михайлов О. Н. Вступительная статья // Шмелев И. С. Лето Господне. Подписная библиотека: В 10-ти томах. — М.: Молодая гвардия, 1991. — Т. 2.

*7Сноска 4. С. 22.

*8Ильин И. А. Творчество И. С. Шмелева. — В его кн.: «О тьме и просветлении». Мюнхен, 1959. — С. 176.

*9Шмелев И. С. Лето Господне. Подписная библиотека: В 10-ти томах. — М.: Молодая гвардия, 1991. — Т. 2. — С. 576.

*10Там же. — С. 310.

*11Там же. — С. 340-341.

*12Там же. — С. 442.

*13Там же. — С. 325.

*14Загоскин М. Н. Сочинения: В 2-х томах. — М.: Художественная литература, 1987. — Т. 2. — С. 372.

*15Там же. — С.438.

*16 Андреев Д. Л. Роза мира. — М.: Ред. Журнала «Урания», 1998. — С. 548.

*17Там же. — С. 549.

Summary

The article «Shmelyov historical method. (Tradition and innovation)» covers a question of growing of historical prose, on the whole, and a moral-patriotic ideal in the historical legacy of I.S.Shmelyov, in particular.

The focus of the article is «Lord's summer» story which is a part of autobiographical trilogy of I.S.Shmelyov.

The article draws parallel between a creation of Shmelyov, writer of realist direction of the XX century and works of romantic M. N. Zagoskin, who was standing at the efflux of historical prose birth of the XIX century. The stylistic particulars of «Lord's summer» story is considered in comparison with historical-ethnographical Zagoskin's cycle «Moscow and Muscovites».

Analyzing the outlook of writes, their creative method, authorial position, philosophical conception of morality and patriotism, the author of the article shows the attitude writers to the orthodox religion, to the motherland and Russian nation.